

Рина Беж

**ДЕВОЧКА КОНТРОЛЁРА
ПРАВО НА ЛЮБОВЬ
Часть 3**

Городское фэнтези

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б38

Б38 **Беж Р.**
Девочка контролёра. Право на любовь. Часть 3: Городское фэнтези / Рина
Беж –М.: Литнет, 2025. – 252 с.

ISBN 978-5-521-89834-3

Меня зовут Лина Эванс, я – человек. И я – одна из восьми присяжных заседателей в деле против организаторов подпольного клуба для людей и двуликих. Я, как и все мои коллеги, знаю, что происходит с девушками, попавшими в лапы монстров, и голосую за самое жестокое их наказание.

Однако, преступники выходят на свободу, а на меня открывается охота...

Он придет ниоткуда, когда я почти сдамся.

Чтобы помочь, чтобы спасти, чтобы научить жить сначала.

Контролёр. Двуликий. Мой.

Однотомник. Третья книга цикла про оборотней.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89834-3

© Литнет, 2025
© Р. Беж, 2025

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	75
Глава 14	83
Глава 15	88
Глава 16	96
Глава 17	106
Глава 18	114
Глава 19	123
Глава 20	129
Глава 21	137
Глава 22	142
Глава 23	148
Глава 24	153
Глава 25	159
Глава 26	165
Глава 27	170
Глава 28	177
Глава 29	184
Глава 30	192
Глава 31	202
Глава 32	210
Глава 33	216

Глава 34.....	224
Глава 35.....	233
Глава 36.....	240
Эпилог.....	245

Глава 1

Лина

– Прошу всех встать. Суд идет. Председательствует его честь судья Вайнер Шот, – монотонно, напоминая робота, вещает секретарь. А в это время старичок лет семидесяти шустрой походкой пересекает зал и занимает полагающееся ему место судьи. – Слушается дело «Штат Айваго против Сильвера Багза и Гаррудо Багза». Ответчикам вменяется в вину организация, создание и осуществление деятельности подпольного клуба, в котором удерживались против воли и подвергались насилию более десятка молодых девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет.

– Одиннадцать секс-рабынь, одиннадцать незащитных девушек, над которыми издевались настолько жестоко и изощренно, что даже спустя несколько месяцев ни одна не смогла вернуться к нормальной жизни. Трое стали постоянными клиентками психоневрологического диспенсера, а две дурочки покончили жизнь самоубийством, – шепчу себе под нос, с ненавистью взирая на двух мерзавцев, развалившихся королями на скамье подсудимых.

Эти нелюди сидят и смотрят на окружающих так расслабленно, надменно и самодовольно, будто весь ужас, о котором уже второй месяц вещает обвинитель, озвучивается на иностранном языке и не имеет к ним никакого отношения.

– Твари, – сжимаю кулаки, мысленно четвертуя сначала одного, а потом второго. – Ну ничего, найдется и на вас управа, упыри проклятые. Ужом извернусь, но все силы положу чтобы ответили по закону.

– Лина, успокойся, – Джастина Кук, сорокадвухлетняя кареглазая мулатка с пышной шапкой черных кудрявых волос, с которой мы сдружились за два месяца слушаний, кладет свою ладонь поверх моих заледенелых пальцев, отогревая и заставляя их разжаться. – Они ответят, по-другому и быть не может. Мы же уже приняли решение. А через пару дней, как судья даст команду, его озвучим и отправим козлов за решетку. Поверь, какая бы надежная «крыша» у них не была, поплачутся сволочи горькими слеза-

ми. Насильников не любят нигде, даже на зоне. И учат их там так показательно, что те запоминают об этом на долгую память.

– Тихо, девочки, не мешайте нашему обвинителю вести допрос последних свидетелей, – склонившись и прикрыв рот ладонью, шикает Марко Милс, смешной тридцатитрехлетний пузан с совершенно лысой головой, но густой бородой ярко-рыжего цвета.

– Прости, – поворачиваюсь к нему, произнося извинения одними губами.

Все мы, я, Джастина, Марко и еще пятеро человек, являемся присяжными заседателями в судебном процессе против братьев Багз и по несколько раз в неделю приходим сюда, в зал суда, чтобы слушать, анализировать, изучать все детали дела, а в конце процесса озвучить общее для всех восьмерых решение: виновны или нет.

Конечно, виновны.

Тут нет никаких сомнений.

И я планомерно и целенаправленно подвожу каждого присяжного к этой мысли, делая акцент при обсуждениях на доказательную базу обвинителя, на фотографии измученных девонок, на улики, ясно подтверждающие их жуткие деяния.

И всё это не потому, что я такая поборница морали и дую на воду, ведь слова защиты звучат очень убедительно и красиво, а многочисленные свидетели в пух и прах ежедневно разбивают многие факты обвинения. И это легко вводит некоторых из моих коллег в раздумья: а на самом ли деле виноваты двое молодых и красивых мужчин, которым совершенно не нужно прилагать усилий, чтобы очаровывать женщин? Или это происки феминисток, решивших обвинить их ложно, так, чтобы те обратили на них внимание?

Вот только они виноваты.

Ви-но-ва-ты!

Я знаю наверняка, хоть и не могу ни одной живой душе признаться в этом. Иначе меня с позором выкинут из присяжных заседателей, впаяв обвинение в сокрытии личных данных, ведь родственники не имеют права участвовать в таких слушаниях.

Суд должен быть независимым, честным и непредвзятым. Стерильным, чтоб его, на эмоции и чувства.

А я повержена этим самым эмоциям.

Я киплю.

Я ненавижу.

Я презираю.

Я мечтаю сделать с этими холеными извергами всё то, что они проворачивали, издеваясь над слабыми, беззащитными девочками.

Я мечтаю сплясать на их могилах.

У меня есть на это право, пусть я и присвоила его себе самолично. А все потому, что моя сводная младшая сестренка их опознала. Сразу и наверняка. Без всяких «мне кажется» и «они похожи».

Четко и мгновенно. Но, к сожалению, показаний дать не успела.

Она оказалась одной из тех двоих слабовольных девчонок, которые... сдались. Сломались. Не смогли пережить моральную травлю, насилие и унижения.

И покинули этот мир, посчитав смерть – лучшим выходом. Дурочки. Какие же они дурочки. Ведь всё и всегда можно решить, исправить, забыть, заменить, пока ты жив. А вот в ином случае уже без вариантов.

Моя сестренка, Ждана Санти, не захотела бороться. Слишком чистая, слишком правильная, слишком нежная и ранимая для нашего жестокого мира, вырвавшись из мерзких лап насильников, она выбрала путь слабых. Однако, пока находилась во вменяемом состоянии, успела рассказать достаточно. Да еще такое, от чего волосы на голове дыбом встали, а по коже ледяные мурашки побежали. А именно то, что почему-то до сих пор, спустя два месяца, еще не выносятся на прилюдное обсуждение, а умалчивается, как несущественное.

Но я-то знаю.

Багзы создали свой клуб не столько для себя и таких же озабоченных как они дураков-людей, сколько для двуликих, любящих развлекаться время от времени с человеческими самками. Ждана была тому свидетелем. В один из вечеров она видела оборотней, отбравших себе невольниц для частной закрытой вечеринки. И эти девочки назад уже не вернулись. Как весело про них сказали охранники, избивавшие девчонок из-за любой провинности: «Самое лучшее мясо пропало».

Чтобы не сильно привлекать внимание своим не совсем подобающим видом, точнее, чтобы поменьше демонстрировать всю ненависть и презрение к тварям, которых сложно называть людьми, отворачиваюсь и принимаюсь рассматривать убогое помещение.

До чего же глупой и наивной я была еще пару месяцев назад, когда считала, что зал судебного заседания очень похож на театр: обвинитель гордо и высокопарно, размахивая руками, толкает речь, адвокат стирает платочком пот и блещет красноречием, само дело рассматривают всего за час, а в конце судья стучит молоточком.

Ведь именно так инфосети и преподносят этот процесс в фильмах и судебных телешоу. На самом же деле настоящее заседание сильно отличается от киношного и не в лучшую сторону. Вместо помпезного большого зала, в котором хватает места всем желающим, пятиметровых потолков и мозаики на стенах, узкие коридоры, маленькое помещение с плохо открывающимися окнами, покрашенными зеленой масляной краской стенами, а из мебели – пять парт, сильно напоминающих школьные.

Судья же среди нас выделяется лишь мантией. И молоточек у него лежит не для дела, а лишь как элемент декора.

Обвинитель читает речь по бумажке, а скорее монотонно бубнит ее себе под нос, но и адвокатам Багзов долго и не по делу рассуждать не дают, хотя те все же как-то умудряются играть на публику.

И тягомотина, тягомотина, тягомотина.

– Объявляется перерыв, слушание продолжится в шестнадцать ноль-ноль, – радуется секретарь хорошей новостью спустя несколько часов.

И практически все присутствующие облегченно выдыхают в едином порыве.

– Слава всевышнему, теперь можно и перекусить, – потягиваясь, улыбается Марко. – Предлагаю всем пойти в кафе за углом.

– У меня с собой бутерброды, – отказывается Вакиса Симон, и к ней тут же присоединяется Митра Маркус, трясая термосом.

Эти две дородные матроны под пятьдесят единственные, кто до сих пор сомневается в виновности Багсов и взирают на обвиняемых как на восьмое чудо света.

– У меня дела на почте, – отрицательно качает головой мадам Силантия, прима театра на Большом Холме, – так что я полетела, чтобы вовремя вернуться.

Оставшиеся двое мужчин, зубной техник Судрев и прораб на стройке Чулаев, тоже решают скоротать время за игрой в домино.

Потому в кафе мы отправляемся втроём.

Глава 2

Лина

– Опять будете свои молочные коктейли? Ты клубничный, – смотрит на меня Марко, затем переводит взгляд на Джастину, – а ты банановый?

– Да, – киваем, слаженно улыбнувшись и переглянувшись с Кук.

Кафе «У мамы Валии» мы с ребятами приглядели в первый же день знакомства, когда поняли, что судебные заседания будут не быстрыми и интересными, а медленными, утомительными и безумно заунывными. А стоило пару раз отведать свежей, действительно вкусной, а не резиновой выпечки, приготовленной хозяйкой заведения, съесть по тарелочке наваристой солянки и выпить вкуснейших молочных напитков с добавлением мороженого, как решение: больше ничего другого не искать, приняли единогласно.

Тем более, и по финансам оказалось очень бюджетненько, учитывая, что это деловой центр города, и цены в заведениях общественного питания тут кусаются практически всегда.

– А еще чего? Опять солянку и круассаны с шоколадом? Или, может, что-то новенькое? Я угощаю, так что не стесняйтесь, девочки.

– По какому поводу такая щедрость? Банк ограбил? – хмыкает Джастина, снимая и аккуратно укладывая плащ на перекладину.

– Нет, конечно. Еще варианты, – не собираясь быстро сдаваться, хитро улыбается Милс.

Он расстегивает пиджак и чуть поддергивает рукава пиджака в локтях, оголяя запястья. Затем ныряет рукой во внутренний карман и вытаскивает из него квадратный довольно пухлый портмо-

не. Опускает его под стол, кивает нам, чтобы подошли поближе, и слегка раскрывает, показывая плотную стопку крупных банкнот.

– Не может быть, – ахаю, прикрывая рот ладонью и округляя глаза, – неужели ты взял тот странный заказ от тайного заказчика, про который говорил две недели назад?

– Взял, выполнил, сдал и получил гонорар! – растягивает в широкой улыбке губы Марко, отчего его рыжая борода приходит в движение.

– Ну ты – смельчак, – качаю головой, плюхаясь попой на соседний стул, – и что, так и не видел, для кого делал работу? И даже не захотел пробить с твоими-то возможностями?

– Не-а, – чуть понизив голос, сознается мужчина, – меня сразу предупредили, если не стану любопытничать, получу еще двадцатку сверху.

– Красавчик! – хвалю мужчину и спешу пожать ему руку.

Милс, как я узнала, подольше пообщавшись с парнем, оказался программистом в IT-компании. Это по официальной версии. А вот по неофициальной, которую он нам озвучил, когда мы как-то почти до ночи проторчали в суде, а потом пошли отметить это дело в кафе бокальчиком полусухого, еще и каким-то суперкрутым хакером, при желании умеющим легко или почти легко вскрывать самые сложные секретные механизмы и базы данных.

– Ну так что, красотки, давайте я сделаю заказ сам? Доверитесь профессионалу и завсегдатаю общепита, умеющему готовить исключительно одну яичницу? – стреляет Марко хитрым взглядом в сторону Джастины, в очередной раз подтверждая мои догадки, что этот весельчак равнодушен к смуглокожей пышечке.

– А давай, – переглянувшись со мной, дает добро Кук, отправляя Милса к стойке.

Я же встаю со стула, чтобы стянуть с себя длинный трикотажный кардиган крупной вязки. Наконец-то мне становится тепло и даже как-то непривычно и словно по-семейному уютно в этом небольшом, но очень милом заведении, где на столах лежат бело-красные клетчатые скатерти, стоят вазочки с цветами, салфетницы и солонки, на стенах висят симпатичные натюрморты, нарисованные явно